

Сказка о Игнатье-царевиче и о Суворе-невидимке мужичке

В некотором государстве был царь, по имени Сунбул, у него был один только сын Игнатий-царевич. У Игнатия-царевича был дядька, который за ним ходил и разуму учил, и у того дядьки был сын, который с Игнатием-царевичем всегда вместе игрывал, потому что оба они были во младенчестве.

В один день, когда они играли, Игнатий-царевич вышиб нечаянно камушком глаз дядькину сыну, и с тех самых пор дядька начал на Игнатия-царевича иметь превеликую злобу, и думал, как бы его извести. Когда Игнатий-царевич вошел несколько в возраст, то дядька его наговаривал царю Сунбулу на него всякие небылицы и, наконец, сказал, будто Игнатий-царевич похваляется съездить за тридевять земель в тридесятое государство и достать яблоков моложавых, которые от всякой болезни пользу делают. Царь Сунбул, услыша от дядьки о тех чудных яблоках, весьма их у себя иметь захотел, потому что царица, его супруга, была в тяжкой болезни. Он велел призвать к себе Игнатия-царевича, и когда он к нему пришел, то царь ему сказал:

«Любезнейший мой сын, Игнатий-царевич! Я слышал, что ты на стороне похваляешься съездить за тридевять земель в тридесятое государство и хочешь достать яблоков моложавых; то поезжай же ты туда, я даю тебе мое родительское благословение». Игнатий-царевич ему сказал, что он сим вовсе не хвастал; однако царь ему сказал, что ежели он яблоков не достанет, то велит его казнить злою смертию. Игнатий-царевич пошел от отца своего с великою кручиною и, пришедши в конюшню, начал выбирать себе доброго коня, и выбирал вот как: когда он положит на коня руку и конь падет на колени, то тот конь ему не годился. Итак, ходил Игнатий-царевич по всем стойлам, однако не мог найти себе коня по мысли, и пошел с царского двора весьма кручинен.

Когда он шел по улице с заплаканными глазами, попалась ему навстречу старуха и ему сказала: «Что ты, Игнатий-царевич, ходишь кручинен? Скажи мне свою кручину, авось либо я тебе помогу». Игнатий-царевич ей молвил: «Как мне, бабушка, не кручиниться! Посылает меня мой батюшка за тридевять земель в тридесятое государство доставать яблоков моложавых, и я не могу себе найти доброго коня по мысли». — «Ах! Ты гой еси, молодой юноша, Игнатий-царевич, — сказала старуха, — есть в чистом поле каменная гора, поди ты туда и увидишь в той горе дверь железную, и за той дверью еще будет одиннадцать дверей железных же, и все те двери заперты двенадцатью

замками железными, и за теми дверьми есть конюшня, а в той конюшне стоит добрый конь ровно тридцать лет, и на том коне ездил покойник дедушка твой, а батюшка твоего батюшки, отбей ты те двери, то и коня получишь, а лучше того коня нигде тебе не сыскать будет». Игнатий-царевич поклонился старухе и пошел в чистое поле к каменной горе, и, пришедши туда, сбил двенадцать замков железных, и отпер все двери, вошел в конюшню и увидел доброго коня богатырского и всю сбрую богатырскую. Он оседлал коня и надел на себя весь богатырский убор, выехал в чистое поле попробовать проворство доброго коня своего...

Он ездил по мхам, по болотам, по горам и по водам, и тот конь весьма ему полюбился, и приехал к царю Сунбулу, взял у него родительское благословение, также и от матери своей царицы Бендулы взял благословение, а потом поехал куда глаза глядят, потому что не знал дороги, куда ехать надобно. И ехал он, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, и приехал он к избушке, и та избушка стоит к лесу передом, а к нему задом. Игнатий-царевич сказал: «Избушка, избушка, стань к лесу задом, а ко мне передом». Избушка тотчас поворотилась и стала к нему передом. Игнатий-царевич в нее вошел и увидел там Егу-Бабу. Ега-баба закричала: «Как доселева русского духу слыхом не слыхано, а ныне русский дух в очью совершается, зачем ты, Игнатий-царевич, сюда приехал, сюда ворон и костей не занавивал?» — «Глупая ты, старая баба, — сказал ей Игнатий-царевич, — ты прежде напой меня, доброго молодца, и накорми, да тогда спрашивай». Ега-Баба тотчас его накормила и напоила, и спать положила, и начала спрашивать: «Куда ты, Игнатий-царевич, едешь и в которую дальну сторонущу, и волею или неволею?» — «Сколько волею, а вдвое того неволею, — отвечал он, — послал меня мой батюшка за тридевять земель в тридесятое государство достать яблоков моложавых». — «О! Игнатий-царевич, — молвила Ега-Баба, — далеко еще тебе ехать, однако молись богу и ложись спать, утро вечера мудренее». Поутру, лишь чуть стало рассветать, Ега-Баба начала будить Игнатия-царевича: «Вставай, Игнатий-царевич, пора тебе, доброму молодцу, в путь ехать». Игнатий-царевич встал, умылся, оделся, богу помолился и на все четыре стороны поклонился, оседлал своего доброго коня и стал прощаться с Егою-Бабою. Ега-Баба ему сказала: «Прощай, Игнатий-царевич, вот тебе шарик, возьми его, и когда выедешь в чистое поле, брось этот шарик на землю, и куда он покатится, то и ты туда же за ним поезжай. И после приедешь ты к моей средней сестре, может быть, она тебе скажет, как достать яблоков моложавых».

Игнатий-царевич выехал в чистое поле и бросил шарик; шарик покатился, а Игнатий-царевич за ним поехал, и приехал к другой избушке, и та избушка

стояла к лесу передом, а к нему задом. Игнатий-царевич сказал: «Избушка, избушка, стань к лесу задом, а ко мне передом». Избушка тотчас повернулась к нему передом, и он в нее вошел, и увидел там другую Егу-Бабу, которая сказала: «Как доселева русского духу слыхом не слыхано, а ныне русский дух в очью совершается, зачем ты, Игнатий-царевич, сюда приехал, здесь ворон и костей не занашивал?» — «Глупая ты, старая баба, — сказал ей

Игнатий-царевич, — ты прежде меня, доброго молодца, напой да накорми и тогда уже спрашивай». Ега-Баба его накормила, напоила, в бане выпарила и спать положила, и стала спрашивать: «Зачем ты, Игнатий-царевич, сюда заехал, волею или неволею?» — «Сколько волею, а вдвое того неволею, послал меня батюшка за тридевять земель в тридесятое государство доставать яблоков молодежавых». — «О! Игнатий-царевич, — молвила Ега-Баба, — далеко еще ехать, однако молись богу и ложись спать, утро вечера мудренее».

Полуночь, лишь чуть стало рассветать, Ега-Баба начала будить

Игнатия-царевича: «Вставай, Игнатий-царевич, пора тебе, доброму молодцу, в путь ехать». Игнатий-царевич встал, умылся, оделся, богу помолился и на все четыре стороны поклонился, оседлал своего доброго коня и стал прощаться с Егую-Бабою. Ега-Баба ему сказала: «Прощай, Игнатий-царевич, вот тебе мячик, возьми его и брось на землю, и куда он покатится, туда и ты поезжай, он тебя доведет до большой моей сестры, и она тебе скажет, как достать яблоков молодежавых».

Игнатий-царевич выехал в чистое поле и бросил мячик; он покатился, а Игнатий-царевич за ним поехал и приехал к третьей избушке; та избушка стояла к лесу передом, а к нему задом. Он сказал: «Избушка, избушка, стань к лесу задом, а ко мне передом». Избушка тотчас повернулась к нему передом, и он в нее вошел, и увидел Егу-Бабу гораздо тех старше. Ега-Баба сказала: «Как доселева русского духу слыхом не слыхано, а ныне русский дух в очью совершается. Зачем ты, Игнатий-царевич, сюда заехал, здесь ворон и костей не занашивал? — «Глупая ты, старая баба, — сказал он ей, — ты прежде меня, доброго молодца, напой да накорми, и тогда спрашивай». Ега-Баба его напоила, накормила, в бане выпарила и спать положила, и стала спрашивать: «Зачем ты, Игнатий-царевич, сюда заехал, и волею или неволею?» — «Сколько волею, а вдвое того неволею, — сказал он. — Послал меня мой батюшка за тридевять земель в тридесятое государство достать яблоков молодежавых». — «О! Теперь недалек путь тебе ехать, однако молись богу и ложись спать, утро вечера мудренее». Полуночь, лишь чуть стало рассветать, Ега-Баба начала будить Игнатия-царевича: «Вставай, Игнатий-царевич, пора тебе, доброму молодцу, в путь ехать». Игнатий-царевич встал, умылся, оделся, богу помолился и на все четыре стороны поклонился, оседлал своего доброго коня

и начал прощаться с Егою-Бабою. Ега-Баба ему сказала: «Прощай, Игнатий-царевич, вот тебе клубочек, возьми его, и когда выедешь в чистое поле, брось клубочек на землю, и куда покатится, туда и ты поезжай, и как ты приедешь к белой каменной стене, то разъяри своего доброго коня и перескочи чрез стену, то очутишься ты у ворот того сада, где растут яблоки молоджавые, и у тех ворот прикованы два льва свирепые, и когда те львы не станут впускать в сад, то брось им по части мяса, которое возьми с собою, и как они утолят свой голод, то и тебя в сад пропустят».

Игнатий-царевич простился с Егою-Бабою и поехал в путь свой, и когда выехал в чистое поле, то бросил клубочек; клубочек покатился, а Игнатий-царевич за ним поехал. И ехал он, близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли, низко ли, высоко ли, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, и приехал к белой каменной стене и начал коня своего разъяривать, бил его по крутым бедрам, а конь осержается, от земли отделяется, подымается выше лесу стоячего, что пониже облака ходячего, и, разбежавшись, перескочил через каменную стену. Когда он начал подходить к садовым воротам, то два льва не пускают его в сад, а Игнатий-царевич бросил им по части мяса, тогда и львы его пропустили. Он нарвал яблоков молоджавых, сколько ему было надобно, и вышел из саду и сел на своего доброго коня, и перескочил назад чрез стену, и поехал в свое государство.

Когда он приехал к отцу своему на широкий двор, то царь Сунбул вышел из своих царских палат и принимал Игнатия-царевича за белые руки, целовал его во уста сахарные и повел его в палаты белокаменные к своей супруге, а его матери. Игнатий-царевич отдал отцу своему яблоки молоджавые, и царь Сунбул несказанно был рад, что получил их. Тогда царь Сунбул отдал те яблоки супруге своей и велел ей скушать для здравия; но царица все их скушала, однако легче ей нимало не было. Тогда дядька Игнатия-царевича опять стал царю Сунбулу наговаривать, будто бы Игнатий-царевич похвалялся съездить за тридевять земель в тридесятое государство и достать живой воды и мертвой; и теми-де водами ежели sprыснуть больного человека, то он будет здрав. Царь Сунбул, услыша от дядьки, тотчас велел призвать к себе Игнатия-царевича и ему говорил сии слова: «Любезнейший мой сын Игнатий-царевич! Я слышал, что ты на стороне похваляешься съездить за тридевять земель в тридесятое государство и достать живой воды и мертвой, так поезжай же ты туда, я даю тебе родительское мое благословение». Игнатий-царевич ему отвечал, что он никому тем не похвалялся, но царь Сунбул не слушал его отговорок и велел ему ехать.

Игнатий-царевич взял у отца своего и у матери благословение и поехал на том же коне, и ехал он, долго ли, коротко ли, и приехал к той же избушке, в которой живет большая сестра Ега-Баба. Избушка стояла к лесу передом, а к нему задом, то Игнатий-царевич ей сказал: «Избушка, избушка, стань к лесу задом, а ко мне передом». Тотчас избушка к нему передом повернулась, и он в нее вошел. Ега-Баба ему сказала: «Игнатий-царевич, зачем ты опять ко мне приехал?» — «Глупая ты, старая баба, — сказал ей он, — ты прежде меня, доброго молодца, напой да накорми и тогда уже спрашивай». Ега-Баба накормила его и напоила, и в бане выпарила, и стала спрашивать: «Зачем ты, добрый молодец, опять ко мне приехал, скажи мне, авось я тебе помогу в твоей нужде?» — «Бабушка, — сказал ей Игнатий-царевич, — послал меня мой батюшка за тридевять земель в тридесятое государство доставать живой воды и мертвой». — «Тебе ехать недалеко, — молвила Ега-Баба, — однако утро вечера мудренее, молися богу и ложись спать». Поутру, лишь чуть стало рассветать, Ега-Баба начала Игнатия-царевича будить: «Вставай, Игнатий-царевич, пора тебе, доброму молодцу, в путь ехать». Игнатий-царевич встал, умылся, оделся, богу помолился, на все четыре стороны поклонился и, оседлав своего доброго коня, начал с Егою-Бабою прощаться. Ега-Баба ему сказала: «Добрый путь тебе, доброму молодцу, вот тебе два пузырька: один для живой воды, а другой для мертвой, а еще вот клубочек, и когда ты выедешь в чистое поле, то брось клубочек на землю, и куда он покатится, то туда и ты поезжай, и когда приедешь ты к белой каменной ограде, то разъяри своего доброго коня и перескочи через ту ограду, и когда перескочишь, то увидишь там под зеленым дубом два колодца, в одном колодце живая вода, а в другом мертвая, и у того дуба прикованы два тигра, и когда те тигры не будут тебя пускать черпать из колодцев воды, то ты налей им из ручья воды, и когда они утолят свою жажду, то и тебе дадут черпать воду из колодцев».

Игнатий-царевич простился с Егою-Бабою и поехал в путь, и когда выехал в чистое поле, бросил клубочек на землю; клубочек покатился, а он за ним поехал. И ехал он, долго ли, коротко ли, далеко ли, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, и приехал он к белой каменной ограде, и начал коня своего разъяривать: он бил его по крутым бедрам, и конь осержается, от земли отделяется, подымается выше лесу стоячего, что пониже облака ходячего, и перескочил через каменную ограду, и увидел под зеленым дубом двух тигров, и те тигры не пускают его из колодцев воду черпать. Игнатий-царевич по сказанному, как по писанному, принес тиграм из ручья воды, и когда они утолили жажду, то и Игнатия-царевича к колодцам подпустили. Игнатий-царевич налил в один пузырек живой воды, а в другой

мертвой, и сел на своего доброго коня, и перескочил через ограду, и поехал во свое государство.

Когда он приехал к отцу своему на широкий двор, царь Сунбул вышел из своих царских палат, встретил Игнатия-царевича, целовал его во уста сахарные и брал его за белые руки, и повел в палаты белокаменные. Игнатий-царевич отдал отцу своему пузырьки с живою водою и мертвою, и царь Сунбул весьма был рад, что получил те воды. Царь Сунбул отдал пузырьки супруге своей и велел ей, чтоб она живою водою прыскала себе тело, и царица всю ту воду на себя испрыскала, однако не было ей легче. Тогда дядька Игнатия-царевича начал на его опять царю Сунбулу наговаривать, будто бы Игнатий-царевич хотел съездить за тридевять земель в тридесятое государство и достать человека-невидимку, которого зовут Сувор-мужичок, и тот-де невидимка горазд лечить всякие болезни. Царь Сунбул призвал к себе Игнатия-царевича и ему сказал: «Любезнейший мой сын, Игнатий-царевич! Слышал я, что ты на стороне похваляешься съездить за тридевять земель в тридесятое государство и достать Сувора-мужичка невидимку, то поезжай же ты туда, я тебе даю мое родительское благословение». Игнатий-царевич сказал своему отцу, что он никому о том не хвастал, однако царь Сунбул не принял от него никаких отговорок и велел ехать.

Игнатий-царевич взял от отца своего и от матери благословение, поехал в путь на том же коне, и ехал он, долго ли, коротко ли — неизвестно, и приехал к той же избушке, где живет большая сестра Ега-Баба, Игнатий-царевич в нее вошел и увидел Егу-Бабу. Она его начала спрашивать: «Зачем ты, Игнатий-царевич, опять ко мне приехал?» — «Глупая ты, старая баба, — молвил он, — ты прежде меня, доброго молодца, напой да накорми и тогда уже спрашивай». Ега-Баба тотчас напоила и накормила, и в бане выпарила, и стала спрашивать: «Зачем ты, добрый молодец, опять сюда заехал, скажи мне, авось либо я тебе в чем и помогу?» Игнатий-царевич ей отвечал: «Послал меня мой батюшка за тридевять земель в тридесятое государство достать Сувора-мужичка невидимку». — «О! Игнатий-царевич, — сказала Ега-Баба, — далече еще тебе ехать и опасно его доставать тебе, однако молися богу и ложись спать, утро вечера мудренее». Поутру, лишь чуть стало рассветать, Ега-Баба начала будить Игнатия-царевича: «Вставай, Игнатий-царевич, пора тебе, доброму молодцу, в путь ехать». Игнатий-царевич встал, умылся, оделся, богу помолился и на все четыре стороны поклонился, оседлал своего доброго коня и начал с Егою-Бабою прощаться. Ега-Баба ему сказала: «Прощай, Игнатий-царевич, вот тебе клубочек, возьми его и брось на землю и куда он покатится, то туда и ты поезжай, и как приедешь ты до палат белокаменных и въедешь на двор, то коня своего поставь в заднюю конюшню, а сам поди в

палаты белокаменные и пройди два покоя, а в третьем покое сядь за печку и дожидай, к тебе приедут прежде двенадцать молодцев и все в малиновых кафтанах, напьются, наедятся и уйдут. После их приедут еще двенадцать молодцев в голубых кафтанах, и те напьются, и наедятся, и уйдут, а после тех еще приедут двенадцать молодцев в смурых кафтанах, напьются, наедятся и уедут, то тогда ты выдь из-за печки и сядь за стол и скажи: «Сувор-мужичок, дай мне попить и поесть». Тогда Сувор-невидимка наставит тебе на стол всякого кушанья, и после, как ты покушаешь, зови Сувора с собою, он тебе в том не откажет, потому что худо ему жить у тех молодцев».

Игнатий-царевич простился с Егою-Бабою и поехал в путь, и когда выехал в чистое поле, бросил клубочек на землю, и клубочек покатился, а Игнатий-царевич за ним поехал. И ехал он, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли — неизвестно, и приехал к палатам белокаменным, и, выехав на широкий двор, поставил коня своего в заднюю конюшню, и насыпал ему белой ярой пшеницы, и налил чистой ключевой воды, а сам пошел в палаты белокаменные, и в третьем покое сел за печкою. Лишь только он уселся, как вдруг пришли двенадцать молодцев в малиновых кафтанах и, севши за стол, закричали: «Сувор, дай нам попить да поесть». Сувор-невидимка тотчас их всех накормил и напоил, и те молодцы ушли. После пришли молодцы в голубых кафтанах и так, как и первые, напились и наелись и ушли, а после тех пришли двенадцать молодцев в смурых кафтанах, напились, наелись и ушли. Тогда Игнатий-царевич вышел из-за печки, и сел за стол, и сказал: «Сувор-мужичок, дай мне, доброму молодцу, попить да поесть». Сувор тотчас собрал на стол и наставил всякого кушанья, и когда Игнатий-царевич напился и наелся, сколько ему хотелось, то начал Сувора звать с собою. «Ах! Ты, добрый молодец, Игнатий-царевич, — сказал ему Сувор-мужичок, — я радехонек идти с тобою, потому что мне здесь житье весьма худо и тяжело от тех молодцев, которых ты сам видел; и ежели ты меня хочешь взять с собою, то поезжай поскорее, а я от тебя не отстану, и когда тебе я понадобится, то скажи только: „Ах! Где-то мой Сувор-мужичок?“ — то я тотчас тебе откликнусь». Игнатий-царевич вышел из палат и, выведши своего доброго коня из конюшни, сел на него и поехал в путь.

Он ехал несколько времени, увидел подле дороги превеликий сад, и в том саду были все дорогие деревья, Игнатий-царевич тут сказал: «Ах! Где-то мой Сувор-мужичок?». Тогда откликнулся ему невидимка, и спросил: «Зачем ты, Игнатий-царевич, меня спрашиваешь?» — «Мне хочется в этот сад заехать, — сказал ему Игнатий-царевич, — и там отдохнуть». — «Пожалуй, поезжай, — ответил Сувор, — только не кушай винограду, который в саду растет, а также не ложись на постелю, которая в саду стоит под тенью, а то худо тебе будет, и

в ту пору и я тебе не помогу». Игнатий-царевич пошел в сад, а коня своего пустил по траве. Когда он ушел в сад, и гулял в нем весьма долго, и увидел виноградное дерево, на котором растет виноград самый крупный.

Игнатию-царевичу весьма захотелось того винограду отведать, и он забыл заповедь Суворову, и сорвал две виноградные ягодки и скушал, и вдруг после того захотелось ему спать. Он увидел под тенью одного кудрявого дерева кровать, которая усыпана была разными цветами, и лег на ту кровать, и лишь только что на нее лег, то вдруг провалился сквозь землю, и летел он под землею ровно три дни и три ночи, и когда почувствовал, что лежит уже на месте, тогда он отдыхал целые сутки, потому что отшиб себе обе руки и ноги.

Когда он встал с места, на котором лежал, и пошел куда глаза глядят, и шел он три дни, и вспомнил про Сувора-невидимку, и сказал: «Ах! Где ты мой Сувор-мужичок?» Но Сувор ему уж не откликается. И пошел Игнатий-царевич в великой кручине, и попался ему на поле пастух, и спрашивал он пастуха: «Друг мой, скажи мне, пожалуй, чье это государство?» Пастух ему сказал: «Это подземельное государство, а владеет им царь Мидор». Игнатий-царевич его спросил, далеко ли ему идти до дворца царя Мидора, и когда пастух ему указал, в которую сторону идти надобно, тогда он туда и пошел и, пришедши к царю Мидору, сказал о себе, что он пришел из царства Сунбула-царя и что он сын того царя Сунбула, и что зовут его Игнатием-царевичем. Царь Мидор премного был рад, что пришел к нему русский царевич.

У царя Мидора было три дочери, и меньшая из них была несказанная красавица, которая называлась Хитрою. Царь Мидор начал с Игнатием-царевичем советовать, чтоб взял за себя любую его дочь из трех. Игнатий-царевич до крайности распалился любовью к прекрасной царевне Хитре, и сказал царю Мидору, что он охотно желает вступить в брак с меньшею его дочерью. Царь Мидор весьма обрадовался, что Игнатий-царевич хочет жениться на его дочери, и тотчас приказал сотворить пир велик; а как у царя не пиво варить, не вино курить, потому что все всегда в запасе есть, то тотчас веселым пирком да и за свадебку. И когда Игнатий-царевич женился на царевне Хитре, то после свадьбы их было веселие великое целый месяц. Игнатий-царевич, пожив у тестя своего полгодичное время, начал помышлять, как бы ему выехать на святую Русь и повидаться с своим отцом и с матерью. Он советовал о том с своею вселюбезнейшею супругою, царевною Хитрою, и она ему сказала, чтобы он просил о том дозволения у ее родителя, а у своего тестя, и когда он отпустит, то она знает уже, как из подземельного государства выбраться. Игнатий-царевич пошел к своему тестю и начал у него проситься: «Милостивый государь мой батюшка! Отпусти ты меня на малое время повидаться с моими родителями, они теперь при глубокой старости

находятся». — «Хотя мне и великая будет кручина с тобой расставаться, — сказал ему царь Мидор, — однако поезжай с богом и с моею дочерью, а твоею женою, вместе. И вот я благословляю тебя сею подзорною трубочкою, она тебе в случае поможет, и вот как: когда на тебя нападет какой неприятель, то ты посмотри в один конец сей трубочки, тогда увидишь перед собою великое войско со всеми начальниками и предводителями, и они все тебе покорны будут, и хоть какую великую силу побить могут, а потом, когда тебе в них более нужды не будет, то посмотри в другой конец сей трубочки, тогда все твое войско вберется опять в сию трубочку». Игнатий-царевич, взяв от тестя своего подзорную трубочку, пошел к своей супружнице и сказал ей, что царь Мидор их обоих отпустил. Царевна Хитра сказала тогда Игнатию-царевичу: «Любезный мой друже и приятель Игнатий-царевич! Возьми ты теперь ружье, и поди в чистое поле, и настреляй гусей и лебедей, и насоли ими три чана больших, а я выпрошу у батюшки моего Нагай-птицу, которая нас вынесет отсюда на святую Русь».

Игнатий-царевич взял ружье, и пошел в чистое поле, и настрелял гусей и лебедей, и насолил три чана, а царевна Хитра выпросила у батюшки своего Нагай-птицу, и та Нагай-птица так была велика, что усталились на ее спине три чана со гусями, и уселся Игнатий-царевич с своей супружницею. Когда Нагай-птица поднялась кверху, то царевна Хитра сказала Игнатию-царевичу: «Друже мой любезный, когда Нагай-птица будет оглядываться назад, то ты тотчас бросай ей в рот по гусю или по лебедю, а ежели не будешь ей бросать, то она нас с себя сбросит и мы уьемся до смерти оба». Игнатий-царевич бросал Нагай-птице всякий раз, когда она оглядывалась, и она летела двою суток, и всех тех гусей и лебедей съела, и оглядывалась назад много раз, и Игнатий-царевич увидел, что она есть хочет, а в чанах ничего уже не было, то, вынув нож, и вырезал себе икры у ног своих, и бросил в рот Нагай-птице, и после того скоро Нагай-птица вынесла их на святую Русь. Когда она села на землю в самом том саду, откуда Игнатий-царевич провалился сквозь землю, сказала Игнатию-царевичу, чтоб он с нее слез долой, но без икр он не мог на ноги встать. Нагай-птица его спросила: «Для чего ты встать не можешь на ноги?» Игнатий-царевич ей сказал, что вырезал у себя у ног икры, которые ей бросил в рот. Нагай-птица харкнула ему на ноги и тотчас икры его стали, как и прежде, а потом полетела Нагай-птица прочь. Когда она улетела, Игнатий-царевич поймал своего доброго коня, а после сказал: «Ах! Где ты мой Сувор-мужичок?» Сувор тотчас ему откликнулся и сказал: «Игнатий-царевич, ведь я тебе сказал, что не вкушай винограду и не ложись на кровать; однако садись на своего доброго коня и поезжай в свое отечество и отомсти своему дядьке, который на тебя намучал батюшке твоему».

Игнатий-царевич сел на своего доброго коня с своею супружницею, и поехал в путь, и, не доезжая до государства отца своего за три версты, остановился, и слез с своего доброго коня, и вынул подзорную трубочку, и посмотрел в нее в один конец. Вдруг очутилось на поле против его великое войско, и воины все стояли в ружье, а начальники их приготавливались отдать честь

Игнатию-царевичу, а после старший подошел к Игнатию-царевичу и спрашивал, что прикажет им делать. Тогда Игнатий-царевич выбрал одного из них и послал послом к родителю своему требовать виноватого, не приказав о себе сказывать. Когда посол прибыл к царю Сунбулу и требовал от него виноватого, царь Сунбул испугался, услыша, что под его государство подступила великая сила и требует виноватого, и не знал, кто у него есть виноватый, почему и поехал сам с поздравлением к Игнатию-царевичу. Когда начал подъезжать к войску, тогда Игнатий-царевич, увидя отца своего, отдал ему честь всеми своими полками и, подошед к своему родителю, обнял его с великою любовью. Царь Сунбул спрашивал своего сына, какого он требовал виноватого, а Игнатий-царевич ему сказал, что требовал от него своего дядьку, который на него ему намучал. Царь Сунбул тотчас приказал дядьку призвать, и когда он туда пришел, Игнатий-царевич с дозволения отца своего велел его расстрелять. Когда это было учинено, пошли все в город, где Игнатий-царевич посмотрел в другой конец подзорной трубочки, и в миг войско его все исчезло.

Царь Сунбул весьма дивился той чудной трубке и спрашивал Игнатия-царевича, где он ее достал. Тогда Игнатий-царевич обо всем ему рассказал, как достал Сувор-мужичка невидимку; как был в том прекрасном саду, который был на дороге, как провалился он в подземельное государство, как попал к своему тестю, царю Мидору, как женился на прекрасной царевне Хитре, как получил в подарок ту подзорную трубочку от тестя своего и как вышел на святую Русь. Тогда царь Сунбул целовал невестку свою прекрасную царевну Хитру во уста сахарные, и брал ее за руки белые, и повел во свои палаты царские, где встретила их царица, и сына своего Игнатия-царевича, и любезную свою невестку прекрасную царевну Хитру обнимала весьма умильно, и целовала их, и сажала за столы дубовые, за скатерти браные, и они все пили, ели и прохлаждались. Потом Игнатий-царевич отдал родителю своему Сувор-невидимку мужичка, которому приказывал служить так верно, как и ему служил. Царь Сунбул недолго царствовал и возложил на главу Игнатия-царевича золотой венец свой, и тогда начал Игнатий-царевич царствовать в великой славе и чести.